

Оглавление

6

От автора

16

Записки
случайного
человека

50

О
фотографиях

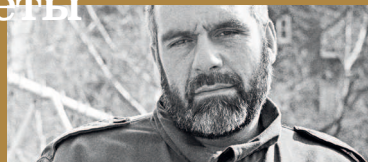
62

О дне «Д»
в Петербурге

82

Портреты

142

Вместо
послесловия

Слова благодарности от автора

Автор испытывает искреннюю благодарность по отношению к следующим лицам и семьям, сделавшим возможным создание этой небольшой, но очень важной для него книги.

В первую очередь моей жене, Наталье Новохацкой, превосходящей меня во всём, что касается таланта и трудовых навыков, но тем не менее согласившейся редактировать, дописывать, переписывать и корректировать то, что пишу я, при этом сохраняя всячески подавляемый моим скверным характером присущий ей оптимизм.

Семье Довлатовых, наших друзей, соседей и героев этой книги, без которых ее просто не было бы.

Моим дочерям, Саше и Лизе, участникам и соучастникам, вольным и невольным, заметным

и незаметным в этих историях, и чье существование было и остается важным и необходимым как для повествования, так и для всей нашей жизни.

Константину Азадовскому, другу семьи и выдающемуся филологу-германисту, который несмотря на исключительную занятость нашел время для разъяснения неопытному автору пути и правила поведения в запутанном и сложном российском издательском мире.

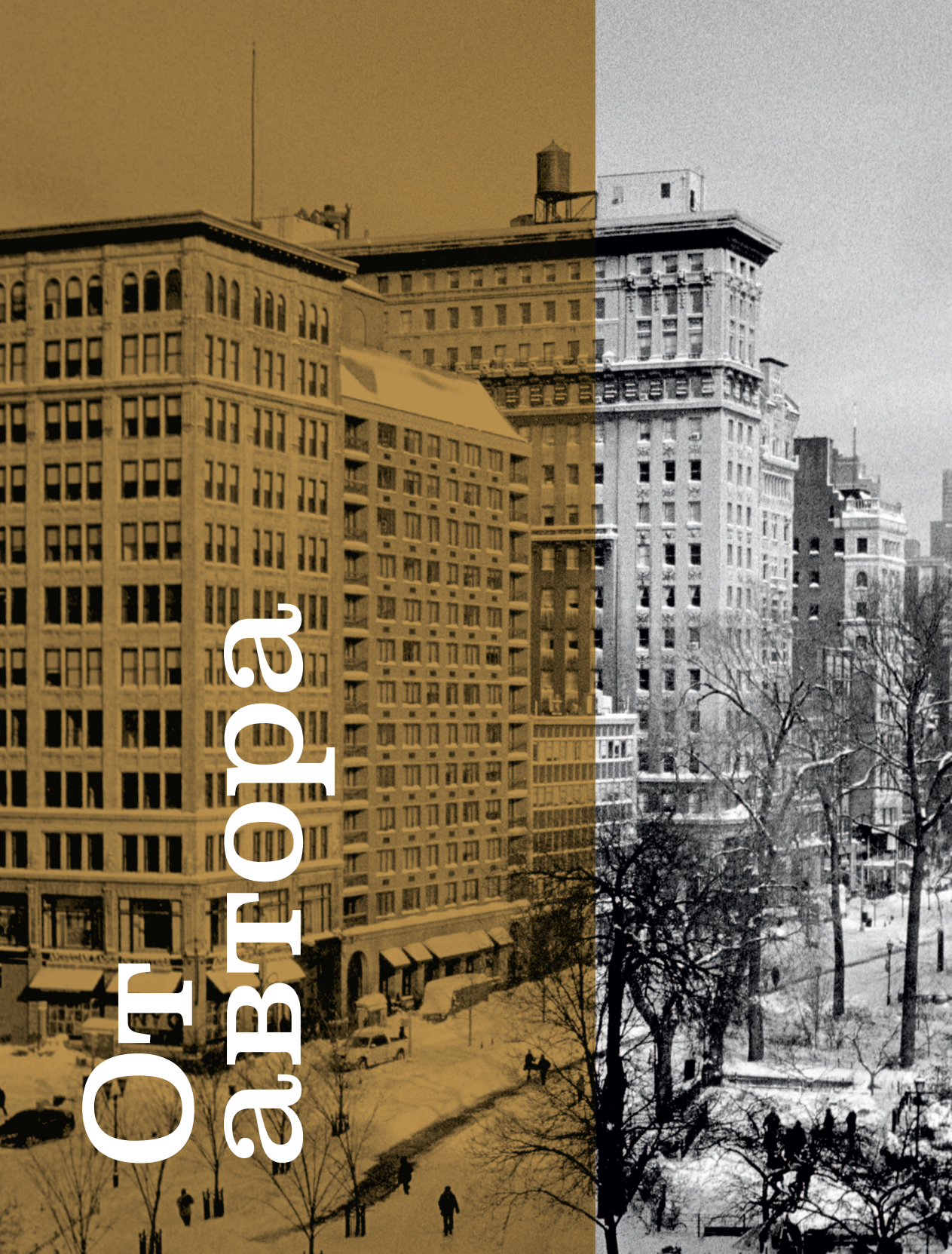
Нине Аловерт, легендарному фотографу и знатоку театра и балета, за пожертвованную фотографию и постоянную дружескую поддержку во многих моих начинаниях.

Кате Видре, нашей давней подруге, замечательному редактору, молниеносно прочитавшей рукопись, не забывая исправить все ошибки и сделать много ценных замечаний по содержанию текста.

Льву Лурье, старинному другу, историку и специалисту по Довлатову, которому (как и всей его семье) я обязан двумя выставками в Петербурге, и в конечном счете этой книгой.

Василию Рудичу, известному историку-античнику, который с высоты своего блестящего интеллекта и безграничной образованности разглядел и оценил мою скромную работу и всячески поддержал меня в стремлении ее опубликовать.

Меган Фама, шефу *par excellence*, которая без усталости кормила нас своими необычайными обедами всё время эпидемии, тем самым давая автору возможность очень разнообразно и вкусно питаться, а его жене спокойно работать над исправлением того, что этот накормленный и довольный жизнью автор насочинял.

От астропа

Про Довлатова написано очень много, но мне, как ревностному ценителю его таланта и одному из его первых читателей, всё написанное виделось слабым или недостаточным. Я то и дело порывался рассказать о любимом мною авторе то, что, как мне казалось, знаю и понимаю только я один. Мне не хотелось пересказывать биографию Довлатова, которая, на мой взгляд, просто громадный перечень всего, мешавшего ему жить и печататься. Для меня было важнее написать о силе воздействия его прозы на читателя, которую я испытал на самом себе. И вот, когда возникла идея издать альбом моих фотографий Довлатова, я на законных основаниях решил написать, что я по этому поводу думаю.

Несколько лет назад у меня состоялся разговор с одесским литератором и журналистом Валерием Хаитом. Речь зашла о Довлатове, и Валерий начал мне говорить о том, как довлатовская проза влияет на жизнь, на него лично, а главное – на то, что все стали говорить, как довлатовские герои. «Вот и сейчас, – сказал Валерий – я произнес фра-

зу, которая для меня не характерна, но для него (Довлатова) очень даже». Я, честно говоря, фразу не запомнил, она ничем и не примечательна, кроме четкого ритма, присущего Довлатовской прозе.

Ритм этот у Довлатова создает мелодию прозы, которая незаметно захватывает читателя и не отпускает. Мелодия авторского повествования ложится и на диалог героев – как в оркестре, где соло чуть уклонившись от основной мелодии, быстро возвращается и звучит еще сильнее. Пока я писал это, у меня в голове вдруг зазвучала пьеса Брубeka “Take Five”, необыкновенно популярная в 60-е годы в Ленинграде среди молодежи и конечно же известная Довлатову, который очень любил и хорошо знал джаз. В Нью-Йорке в его машине радио было постоянно настроено на станцию Jazz 88, где ничего, кроме джаза, не играли.

Музыка джаза, его ритмы органически перешли в прозу Довлатова, построенную на синкопическом повествовании («...и я ушел, то есть остался»), где действие, определяемое ритмом рассказа, абсолютно опережает сознание как героя, так и автора. Музыкальная ритмизованность изложения кажется мне тем уникальным свойством, которое делает прозу Довлатова доступной и понятной, как песни бардов. Музыка слога создает поэтическую форму рассказа – без рифм и стихотворного размера, но с четким завораживающим ритмом, подобно тому, как у Брубeka строится мелодия.

Я много раз наблюдал толпу людей, замороженно слушавших рассказы Довлатова: первый раз давным-давно в 1968 году на «Вечере творческой молодежи» в ленинградском Союзе писателей, потом несколько раз в Нью-Йорке в восьмидесятые,

а затем и в Петербурге во время празднования юбилея писателя, где рассказы читал уже не автор, а актеры и друзья Довлатова.

Люди на всех чтениях попадались разные, но реакция слушателей оставалась неизменной, несмотря на время и расстояния, разделявшие эти события. Все присутствующие находились в абсолютной власти повествования, и полная внимания тишина часто прерывалась, как аплодисментами прерывается джазовая пьеса, взрывами неудержимого хохота.

Я видел, как после установки памятника писателю на Рубинштейна постамент и ноги статуи были завалены цветами и записочками с изъявлениями благодарности и объяснениями в любви. Я предполагаю, что если бы Сергей жил в Древней Греции, его проза могла бы исполняться под кифару и привлекать огромные толпы слушателей в амфитеатры. Не случайно документальный очерк Н. Новохацкой о значении Сергея Довлатова в жизни читателей-эмигрантов назван «Гомер третьей эмиграции»¹.

Проза Довлатова, его разговор с читателем со страниц «Нового американца» завоевали значительное место в духовной жизни «новых американцев», искавших моральной опоры в пугающем хаосе новой жизни. В России Довлатов появился чуть позже и снова с легкостью овладел умами и сердцами миллионов людей, которые смогли наконец прочесть то, что было написано именно для них, их народным писателем. Но на этот праздник своего творчества автор уже не попал.

Перебирая фотографии Довлатова, в голову приходит мысль о несовершенстве фотографии как жанра. На фотографии мы видим построенную из

---

¹ «Русский базар». 2016. г.

черно-белых элементов внешность – иногда обманчивую, а суть запечатленного от нас часто ускользает, если не знать чего-то еще, например истории человека на фотографии, не услышать его голоса.

На портретах жизнь Сергея Довлатова запечатлена в миллионную долю его времени среди нас. Что он говорил и делал за секунду до этого и что произошло потом, куда он пошел, что сказал – это всё от нас скрыто в том же ушедшем времени, которое не вернуть. Данный сборник – и есть попытка восстановить утраченные ощущения от среды – голосов людей вокруг, пейзажа, наконец, географического и этнографического фона, где происходила жизнь, ставшая литературой.

В состав книги входят три эссе: об атмосфере газеты Довлатова «Новый американец», о взаимоотношениях меня как фотографа с писателем и о триумфальном праздновании юбилея Довлатова на родине, прошедшем с невероятным успехом, но, увы, уже без его участия.

Вторая часть сборника – это альбом фотографий Сергея Довлатова с распространенными аннотациями, играющими роль дикторского текста в кино, и подчеркивающими цель этой книги – рассказ о писателе громадного таланта, который жил совсем рядом.

Угловое здание Юнион-сквер, 1,
где находилась редакция «Нового
американца».
Фото М. Сермана

